

Так же, как и серый, желтый цвет – цвет войны, причем, по Булгакову, - войны безумной. Как врач, Булгаков, конечно, знал, что желтый цвет беспокоит, возбуждает воображение, действует на психику подавляюще, и в романе цвет болезни – желтый.

Раненый Алексей Турбин характеризуется следующими словами: «желтый цвет», «желтизна», «желтый до пояса». Яркую метафору вводит автор, говоря о болезни любимого героя: «тоска пришла, как серый ком, рассеявшаяся на одеяле, а теперь она превратилась в желтые струны, которые потянулись, как водоросли в воде». Серое и желтое! И кризис «расщепил Алексею желтые зубы».

У вора-сифилитика лицо отливало в «восково-желтый» цвет, «сифилитик» Русаков – «желтоватый молодой человек в сереньком френче». В морге «в банках темные и желтые уроды».

В последней главе романа Русаков читает Библию – «книгу в желтом кожаном переплете», книгу о вечной боли и страдании человека. Именно в этой книге пишется о «судимых» «сообразно с делами своими»... И юный воин Николай Турбин входит в последний свой сон с желтым венчиком, с иконами

Краткий обзор (перечень) одного цвета не может, конечно, дать полного представления о цветовой символике, символическом спектре всего романа, но справедлива, думается, мысль, что цвет в «Белой гвардии» имеет особое содержательное наполнение. Каждая краска – «второе дно» романа, каждый цвет – разнообразный подтекст, каждое смещение тонов в главе – смещение символов. Каждый колоратив в романе Булгакова стоит на своем месте, а в совокупности все они составляют уникальное и выразительное единство.

В.Г. Глушкова,
А.В. Полонский

Атрибутивное слово: определение и эпитет

В последнее время прослеживается тенденция обеднения ведущим тропом – эпитетами – современных художественных текстов, особенно принадлежащих перу молодых писателей и поэтов¹. Данная публикация является продолжением предпринятой нами ранее разработки теории эпитета. Вслед за другими лингвистами мы рассматриваем эпитет и определение как понятия не тождественные по своей сути, по своей внутренней природе.

Атрибуция есть неотъемлемое свойство слов, обладающих квалифицирующей или оценочной семантикой, так же, как и атрибут является необходимым свойством объекта. Атрибуция реализуется в двух своих основных формах: определении и эпитете. Различие эпитета и определения основывается на функциональных особенностях атрибутивного слова, которое связано с когнитивной, эмоционально-экспрессивной и эстетической (поэтической) функциями языка.

Определение, рождающееся в результате когнитивного акта личности, направленного на познание предмета, называет его отличительный признак, несет информацию о его свойствах, которыми он выделяется среди других предметов. Знание предмета позволяет в определении эксплицировать один из его признаков, внутренне ему присущих (*стол – деревянный, стеклянный, письменный*). Свойства определения проявляются в способности дополнять или конкретизировать идею предмета в имени.

Эпитет же возникает в результате эстетического отношения личности к предмету, вырывая его из привычных, устойчивых связей. Главная задача эпитета заключается не в квалификации предмета, а в достижении суггестии, реализующейся при помощи эмоции и оценки (*безграничная радость, васильковые глазки*). При этом свойство, названное в эпитете, может имплицитно уже содержаться в имени или отсутствовать. Благодаря этому эпитет вступает в самые разные отношения с определяемым именем существительным – от тавтологии (*белый снег, молодая девушка*) до контраста (*живой труп, трусоватый храбрец*). В результате этого формируются различные типы эпитетов.

Эпитет – атрибутивное слово в эпифразе, концептуально и эстетически определяющее предмет, формирующее его художественный образ, обладающее эмотивно-оценочной коннотацией, стилистически значимое и отмеченное, стоящее в синтаксической функции определения или обстоятельства. В связи с этим нами была выделена *эпифраза* (эпитетосодержащая именная группа) как объединенное в смысловом и интонационном отношении синтаксическое единство, строящееся по модели: эпитет + определяемое имя существительное.

Эпитет – троп, выстраивающийся на основе эстетического употребления, формирующего эмоционально насыщенный текст, и переносного, связанного с формированием вторичных семантических полей. Условием формирования эпитета является языковая «игра», в которой личность реализуется как субъект эстетического переживания и которая осуществляется с целью усиления экспрессии, направленной на собеседника.

Таким образом, эпитет, как носитель эстетической оценки и переносной (речевой) семантики, и определение, как носитель когнитивной оценки и прямой (языковой) семантики, находятся в отношении пересекающихся кругов. В определении автор предстает как исследователь, расчлняющий объект и выявляющий присущие ему черты. Определение вооружает знанием, подготавливает основу для дальнейшего рассуждения, реализующегося и в характере развертывания текста, его стилистике. В эпитете же автор предстает прежде всего как художник, цель которого эмоционально воздействовать на читателя. Он, как алхимик, превращает простые слова в особые знаки – знаки каузации адресата. Это особенность реализуется и в текстовой стратегии.

Эпитеты играют исключительно важную роль в формировании идиостиля писателя. С точки зрения частотности употребления эпите-

тов, обращения к ним с целью создания художественного образа, усиления прагматического эффекта различаются писатели «эпитетолюбивые» и нейтральные по отношению к нему. Проведенное В.Г. Глушковой в рамках кандидатской диссертации исследование показало, что частотность использования эпитетов таким писателем, как С. Н. Есин, превышает обычные показатели по меньшей мере в 1,5 – 2 раза². Количество имен существительных, употребляемых им без эпитета, составляет в среднем 76 %, что значительно меньше, чем у большинства других авторов. К примеру, у Ф. Абрамова – 93%, Ю. Трифонова – 88%, В. Токаревой – 84%. Обилие эпитетов и их выразительность позволяют квалифицировать текст С. Н. Есина как интеллектуально и эмоционально насыщенный, что свидетельствует об исключительно важной роли эпитета в формировании исследованной В.К. Харченко функционально-стилистической категории плотности текста³.

Примечания

1. Харченко В.К. Тезаурус современного писателя С.Н. Есина // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. – Вологда: Изд-во «Русь», 1998. – С. 128 – 129; Синельникова Л.Н. Когнитивно-языковая характеристика современного лирического сюжета. – АДД. – Краснодар, 1994.
2. О методике подсчета см.: Глушкова В.Г. Статистический анализ использования эпитетов в идиостиле С. Н. Есина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы международной конференции. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1999. – С. 29– 30.
3. Харченко В.К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 132 – 140.

Н.М. Голева

Из наблюдений за речью мальчика и девочки на ранних этапах речевого онтогенеза

Мы отслеживаем процесс речевого развития детей (мальчика и девочки) уже на протяжении 12 лет. В предыдущих публикациях были представлены результаты наблюдений, начиная с 3-летнего возраста, но не меньший интерес представляет сравнительное изучение самых ранних проявлений речевой деятельности.

В возрасте 8 мес. 15 дней мальчик начал произносить слог МА, повторяя его (МА-МА), в 9 мес. – БА-БА, а в 9 мес. 20 дней – слова типа МАБА. В 10 мес. осознанно говорил МАМА, БАБА. "Позови (пожалей) маму! – Ма-ма, мама". В возрасте 1 год стал обращаться к маме, папе, бабушке, дедушке. К полутора годам стал говорить БАБУ[С]КА, ДЕДУ[С]КА, а в 2 г. 2 мес. свободно манипулировал словами: МАМКА, ПАПКА, МАМО[Ц]КА, МАМУЛЯ, ПАПУЛЯ, ДЕДКА, БАБО[Ц]КА. Слова бабка ребенок не образовывал, видимо, на подсознательном уровне